

О. А. Карканица, ассистент

ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЕВГЕНИКИ

In this article the author analyses vulgar eugenism phenomenon, defining historical and social-political conditions under which the processes of choice immoralization and the use of eugenic interference means were initiated. The author draws a conclusion that the point of risk of vulgar eugenism reappearance is related to the fear of concept exchange, which already accrued contextually in two historical eugenic forms having authoritarian basis: goal justified eugenically (exact heredity) was identified with the purity of race, eugenic – with racial hygiene; mandatory euthanasia was genocide equivalent.

Введение. Возрождение интереса к евгеническим идеям в контексте медико-генетических изысканий в настоящее время представляет реальную опасность, связанную с реанимацией «вульгарного евгенизма», или упрощенного понимания евгенических установок. Негативный характер этой тенденции (усиления интереса к проблеме улучшения наследственного здоровья человека в масштабах человеческой популяции), по мнению ряда исследователей, обусловлен, главным образом, обострением нравственных проблем, поставленных в евгенической ретроспективе.

Сущность этих проблем, равно как и многих предубеждений относительно евгеники, традиционно редуцируют, во-первых, к попыткам биологизировать природу человека, а во-вторых, реализовать «гуманные» идеи (облагораживание человеческой природы) «негуманными» средствами (сегрегация, эвтаназия, стерилизация). Объективно оценить адекватность подобной редукции возможно на основе анализа тех евгенических проектов, которые полномасштабно реализуют основную для классической евгеники задачу установления государственного контроля над воспроизводством населения. При этом (в осуществлении анализа) необходимо принять в расчет внутреннюю неоднородность и противоречивость евгенических традиций, и только на этой основе уточнить сущность и оценить реальную угрозу возрождения «вульгарного евгенизма».

Основная часть. Традиционно считается, что идея «евгенического выращивания» человека связана с биологизаторским подходом к исследованию его природы и, возведенная в ранг евгенической программы, ориентированной на осуществление задачи установления государственного контроля над воспроизводством населения, практически была реализована только в фашистской Германии. Такого рода установка может быть скорректирована с учетом того, что мероприятия по созданию системы искусственного отбора индивидов проводились в СССР на основе принципиально иной социологизаторской платформы.

История развития евгеники в Советском Союзе, по сути, указывает на существование

двух основных направлений евгеники: биологической и социальной. На первом этапе формирование евгенических идей русскими генетиками 20-х гг. XX в. осуществлялось на традиционной для данного учения биологизаторской платформе. Второй этап характеризуется реализацией евгенической задачи на социологизаторской основе, ориентированной на формирование личности в зависимости от социально заданных условий жизни в условиях тоталитарного режима.

В социальной евгенике репрезентированы основные евгенические понятия: «наследственность» и «подбор». Понятие «наследственность» характеризовало преимущественно социальную, а не биологическую составляющую природы людей («дурная наследственность» определялась как пережиток капитализма), что позволило сформулировать идею вырождения за счет выделения особой категории «вырожденцев» – творчески мыслящей части интеллигенции, лиц дворянского происхождения и представителей буржуазии, маркируемых в качестве носителей нравственных пороков. Таким образом, дискурс социальной евгеники фактически включал в себя идею о врожденном характере человеческих способностей, которые детерминированы классовым происхождением. Считалось, что классовая принадлежность накладывает определенный отпечаток на биологическую и духовную природу человека, изначально наделяя индивида либо вредными, либо полезными в социальном отношении свойствами. Социальный отбор, соответственно, способствовал закреплению ценных приобретенных признаков на генетическом уровне и был связан с реализацией следующих социально-евгенических мероприятий: а) выбраковкой и физическим уничтожением социально уязвимых индивидов, не обладающих соответствующими «ценными признаками» (пролетарским происхождением, верой в правильность ленинского курса и идеалы советизма); б) сегрегацией, но не по биологическим, а по социально-классовым критериям. Репрессии в отношении инакомыслящих, система лагерей и спецучреждений, система «опального детства», спецпоселения для «врагов народа», а после Великой Отечественной войны и для «изменников

Родины» – по сути, все эти мероприятия советской власти не что иное, как средства сегрегации, отделения ценных в классовом отношении от неполноценных [1]. Цель подобных мероприятий также соответствовала евгеническим установкам – выведение новой породы людей в соответствии с социальными стандартами советской идеологии.

Основным критерием для сравнения двух конкретных исторических проектов (биологической евгеники в Германии и социальной в Советском союзе), определяющим их общность, может выступать идеологическая ангажированность данных проектов: обоснование евгенических идей в обоих случаях осуществлялось с помощью философских или политических концепций, на базе которых была сформирована мощная идеология. Если отличительной особенностью «научной» евгеники в Германии был альянс с национал-социализмом, то в Советском Союзе возникает альянс с идеологией марксизма в советской транскрипции, репрезентирующей идею казарменного коммунизма. Эффективность подобных идеологий определяется включением в их структуру целого слоя идей, обладающих архетипической природой (например, задающих представление о «Третьем Рейхе» или «Третьем Риме» и формирующих мифологизированные представления об арийской расе или созидателях нового мира, по сути, отсылающих к образу титанов, сверхлюдей). Эти архетипы определяют смысловую ось революционных преобразований, стимулируя разработку евгенических идей, на основе которых социальные утопии приобретают статус «научности». Подобная точка зрения, в частности, высказывается Ч. Фрэнкелом, который усматривает причину появления евгенических проектов даже не в развитии самой науки и расширении ее возможностей, а в идее революции вообще с ее стремлением создать «нового человека», переделать человеческое сознание по определенному проекту [2].

Импульс к евгеническим преобразованиям мы обнаруживаем в основе социальной реконструкции, которая была произведена в обеих странах. В этом контексте евгенический проект востребован в силу исторических и социальных обстоятельств, способствующих его полномасштабной реализации и открывающих пространство для эксперимента над человеком (вне зависимости от того, на основе какого подхода он осуществляется – социологизаторского или биологизаторского). При этом евгенический проект встраивается в жесткую идеологическую схему, в силу чего он частично лишается своего подлинного содержания и подменяется ложными псевдонаучными идеологическими конструктами. На этом основании можно утверждать, что и социальная, и

биологическая евгеника реализовывала не собственную научную программу, а выполняла социальный заказ правящих кругов, щедро финансировавших соответствующие исследования. С этих позиций показательно и то, что масштабная реализация других евгенических программ этого периода (английской, шведской или норвежской) в другом политическом климате так и не была осуществлена [3].

Вместе с тем, следует признать, что связь между евгеническими концепциями и идеологическими установками обществ тоталитарного типа не была односторонней. Об этом свидетельствует, в первую очередь, тот факт, что один из основных принципов классической евгеники на определение государством тех критериев, согласно которым одни категории лиц получали право на полноценное существование, а другие – дискредитировались в своем биологическом, социальном и моральном статусе, послужил основанием для утверждения авторитарной этики в тоталитарных режимах. Несмотря на то, что ученые-евгеники не могли ответить на вопрос о «главном селекционере» в завершенной форме, а все практические евгенические программы сопровождалась специальными оговорками о том, что критерии расовой гигиены не руководство к действию, а рекомендации правительству на основе конкретных исследований группы исследователей, функция «главного селекционера» фактически закреплялась за государством (поскольку данные рекомендации адресовались именно правительству).

Сопоставление двух исторических евгенических проектов также позволяет эксплицировать некоторые спорные моменты в оценке тех средств, которые приписываются данному учению. Наиболее серьезные возражения у противников евгенического учения получает эвтаназия неполноценных, антигуманный характер которой и был выявлен в исторической ретроспективе. Однако следует принять во внимание тот факт, что для евгеников периода первой половины XX в. более актуальной и обсуждаемой была проблема стерилизации, причем в ее решении, должна ли она быть принудительной или осуществляться только с согласия объекта евгенического вмешательства, ими не предлагалось однозначных ответов.

С позиций евгеники в русской традиции (в первые десятилетия ее формирования) обоснование необходимости борьбы с плохой наследственностью включало в себя ряд рекомендаций этического характера, учитывающих специфику человека как объекта исследования. Так, например, исключалось всякое принуждение при осуществлении подбора в евгенических целях, а также возможность постановки экспериментов на людях. Стерилизация рас-

сматривалась только как крайняя мера (в силу ее антигуманного характера, связанного с допущением насилия над свободой личностного выбора), позволительная в очень незначительном количестве совершенно безнадежных случаев: например, в случае полной дегенерации и наследственного идиотизма.

Решение проблемы выбора и применения средств евгенического вмешательства, таким образом, варьируется в зависимости от того, какие этические принципы определяют характер евгенических мероприятий – авторитарные или гуманистические. Гуманистическая традиция в евгенике, представленная Н. К. Кольтцовым, С. Холдейном, Л. Хогбенем, К. Люксембургеном и другими учеными, опиралась на следующие установки: 1) дифференциация личных убеждений и объективных данных, а также разграничение научной возможности и реальной практики, требующей конкретного определения социальных условий и средств реализации той или иной идеи; 2) выработка евгенических рекомендаций, учитывающих права личности на автономию, исключение принуждения при осуществлении евгенической политики; 3) рекомендательный характер евгенических мероприятий. Представители гуманистического направления считали нецелесообразным осуществление евгенических проектов без предварительного теоретического осмысления нравственного потенциала евгенического учения, показали несостоятельность генетического «обоснования» неравенства классов и рас.

Авторитарная ориентация в евгенике, репрезентированная «вульгарным евгенизмом», восходит своими корнями к Ф. Гальтону и другим представителям науки, отстаивающим групповые интересы и ценности. Она определяется, главным образом, следующими аспектами: 1) нормативным статусом евгенических процедур; 2) принудительным характером проводимых евгенических мероприятий, игнорирующих специфику объекта экспериментирования; 3) подбором и фальсификацией фактов с целью обоснования идеологически ангажированных концептов; 3) апелляцией к внешней по отношению к интересам отдельно взятой личности авторитетной инстанции («главному селекционеру», на авторитарной основе определяющему «вредные» наследственные задатки).

В контексте авторитарной традиции отстаивается необходимость принудительной эвтаназии, которая обосновывается, скорее, экономическими, а не евгеническими соображениями. В частности, начало дебатам вокруг проблем эвтаназии в Германии положило появление на свет работы К. Биндинга и А. Хоха «Легализация уничтожения жизни, не имеющей ценности» в 1920 г., в которой был сформулирован

тезис: жизнь, не имеющая ценности, экономически нецелесообразна [4]. Многие немецкие ученые-евгеники данного периода, отстаивающие принципы гуманистической этики, напротив, отрицательно оценили возможности эвтаназии. Например, Г. Люксембурген, Л. Лофлер и К. Бауэр призывали к «безусловному уважению жизни человека», утверждая, что если отбор используется как оправдание для убийства людей, то это не только дискредитирует гуманистический потенциал евгеники, но и лишает смысла и права на существование любой евгенический проект.

Более того, сомнительно применение самого термина «эвтаназия» в отношении случаев массового уничтожения людей, которые фактически имели место в социальной практике как Германии, так и Советского союза. Следует отметить, что социальная евгеника вообще не оперирует данным термином, заменяя его представлением о борьбе с «врагами народа». В качестве таковых рассматривались носители классово чуждого сознания или распространители идей, не согласующихся с официальной идеологией.

Таким образом, в качестве реального стимула к применению эвтаназии выступает либо экономический расчет, либо борьба с политическими и научными оппонентами. Массовые уничтожения людей с этих позиций уместнее идентифицировать как геноцид.

В свете изложенного возникает необходимость в демаркации мероприятий, имеющих евгенический смысл, и мероприятий, в основе которых лежат проявления ксенофобии (расизма), инициированной теми или иными причинами. Евгенически оправданные мероприятия, ориентированные на «облагораживание» человеческой природы на основе научного подхода к определению тех свойств, которые имеют наследственную природу в различных социальных, национальных, возрастных, половых и других группах, не предполагают тотального уничтожения тех социальных общностей, которые являются носителями неблагоприятных в наследственном отношении задатков. Геноцид, в свою очередь, реализует четко поставленную социально-политическую задачу, которая и определяет его сущность – полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или классовой общности. Использование подобной меры как геноцид/принудительная эвтаназия было возможно на основе расизма, а не евгеники.

Другими словами, в данном контексте научный подход к определению наследственных задатков подменяется социальным заказом, позволяющим связать «хорошую наследственность» с чистотой нации или класса, т. е. «расы», вследствие чего возникает смыкание в области идей между расизмом и евгеникой и на этом псевдонаучном основании легитимируется

применение геноцида, выступающего эквивалентом принудительной эвтаназии.

Заключение

1. Формирование и реализация евгенических идей на авторитарной основе позволяет установить существование в евгенической ретроспективе двух разновидностей данного учения – биологической и социальной евгеники.

Различие между ними не столь уж существенно, если принимать во внимание, что: а) обе евгенические программы апеллировали к видовым ценностям (нации или класса), элиминируя из корпуса ценностных предпочтений интересы отдельной личности; б) для их реализации использовались аналогичные мероприятия (физическое уничтожение политических и научных оппонентов в качестве носителей ценностей, не способствующих поддержанию «хорошей наследственности», сегрегация и установление единообразной системы ценностей, регламентирующей характер социальных мероприятий в направлении реализации социального идеала).

2. Характер рекомендуемых и одобряемых евгенических процедур определялся, во-первых, с учетом социального запроса (совокупности идеологов, которые задавали вектор осуществлению евгенических мероприятий) и особенностей политического режима. С этих позиций евгеника выступила как один из элементов социальной технологии. Во-вторых, допустимые евгенические меры определяются, в значительной степени, характером той этической системы, которая существует на базе официальной государственной идеологии. «Вульгарный евгенизм» формируется на основе авторитарной этики, которая в качестве главного регулятивного принципа, манкирующего личностной автономией и ценностью, использует принуждение. В контексте данной традиции осуществляется подмена понятий: евгенически оправданная цель («хорошая наследственность») отождествляется с чистотой расы (нации или класса), евгеника – с «расовой гигиеной», принудительная эвтаназия выступает эквивалентом геноцида. В результате, имморализируется процесс выбора и применения средств евгенического вмешательства и инструментализируется человеческая жизнь. Подобные установки допускают устранение нефункциональных элементов из социального организма, и данный процесс получает вовсе не евгеническую подоплеку. На этом основании обвинения в антигуманном характере методов, приписываемых евгенике, могут быть пересмотрены, хотя бы частично. В-третьих, определение основных параметров евгенического вмешательства является в значительной степени нравст-

венным выбором самого ученого, составляющего евгенические рекомендации для правительства. По мнению Н. К. Кольцова, с этих позиций представитель науки выступает уже не как ученый, основывающийся на объективной логике, а как человек с теми или иными врожденными или благоприобретенными влечениями [5]. В данном случае речь идет даже не столько о гуманных или негуманных средствах, сколько о гуманных или негуманных действиях конкретных сил (ученых, разрабатывающих научные рекомендации евгенического характера, или государства, легитимирующего и осуществляющего эти мероприятия).

3. Генетическая связь исторических форм евгеники с расизмом и тоталитаризмом, устанавливаемая на основе выявления сущностного порока самой евгенической доктрины – интенции на осуществление глобального контроля над природой человека, объясняет включение таких социальных технологий, как геноцид (не обладающий евгеническим значением в собственном смысле этого слова) в спектр евгенических мероприятий. Более того, претензия евгеники в ее биологизаторской транскрипции на установление биологической сущности социальных пороков, а также попытка (в контексте социальной евгеники), но уже с социологизаторских позиций, обосновать общественную природу биологической ущербности на основе непроверенных или сфальсифицированных научных данных также обусловила создание реальной основы для дискриминации.

4. Осуществляющаяся в настоящее время либерализация евгенического проекта связана не только с ориентацией на решение нравственных проблем, поставленных родоначальниками евгеники, но и со специфическим характером развертывания самого проекта применительно к другим историческим и социально-политическим условиям.

Литература

1. Яковлев, А. Н. Крестосев / А. Н. Яковлев. – М.: Вагриус, 2000. – С. 36, 208.
2. Фролов, И. Т. Этика науки / И. Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1986. – С. 326.
3. Хен, Ю. В. Евгеника: основатели и продолжатели / Ю. В. Хен // Человек. – 2006. – № 3. – С. 84–87.
4. Глэд, Д. Будущая эволюция человека / Д. Глэд. – М.: Захаров, 2005. – С. 95.
5. Хен, Ю. В. Прошлое и будущее евгенической идеи / Ю. В. Хен // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности. – М.: Канон+, 2005. – С. 32.